

*К югу улетела стая.
Значит, ей пришла пора.
Я осталась, дым глотая,
у осеннего костра.*

*Пожелтело всё, поникло.
Здесь с июля нет тепла,
а глупышка земляника
вдруг взяла и зацвела.*

*Перелётные, удачи!
Да минуют вас ветра!
Это дождик.
Я не плачу
у осеннего костра.*

*Так, постепенно, изживая грех
неблагодарной памяти короткой,
в надежде сокровенной на успех
для всех мы пишем то,
что «не для всех»,
приобретая гладкость и сноровку.*

*Надеясь, что работает закон
влечения подобного подобным,*

нам постоять бы среди больших имён,
на цыпочках,
на краешке времён,
и рядом — биографию, подробно.

И фото! Лучше с тем, кто знаменит.
Зовём твореньями мы то, что натворили.
Умолкших голосов не заменить,
но мантию
хватает мы за нить
и посвящаем опусы — Марине.

Марина, Анна... Сладостно, погоди,
увидеть рядом собственное имя?
Да кто же знает, что там, впереди?..
Успеть бы пискнуть
слабиной груди
и втиснуться меж этими двоими.

Но вот беда: поток нас сокрушит.
Не удержать поэзии удара,
не обладая прочностью души
для тяжеленного сверкающего Дара.

★★★

За забором, у соседки,
красота — на каждой ветке,
распорядок, лепота в любой момент:
там гортензии, лилейник
расположены линейно,
розы нежатся, приемля комплимент.

У меня же, извините,
мы порадуемся — сныти.
Я приветствую тебя, чертополох!
Горделивый и могучий,
разной нечисти летучей
ты не дашь переступить порог.

Листья-крылья, листья-копья
на того, кто злобу копит,
во все стороны — на запад, на восток.
Станом прям и величав ты.
Ну а голову венчает
пурпур — императорский цветок!

До чего стройна крапива —
молода, свежа, красива!
Даст отпор немедля наглецу.
Ты зелёная такая,
но, на лица невзирая, —
по рукам бесцеремонным, по лицу!

Здесь в надежде и отваге
все растения-гворняги
обретают дом, точнее — гвор.
В зной находят каплю влаги
все бездомные бродяги
и ведут со мною разговор.

Апрель то и дело
характер покажет:
то крупкой посылет,
то хлопьями ляжет
на робкую зелень
травы осторожной,
на ириса стрелки
канвы придорожной,
что бодро скакнули,
поддавшись соблазну
сверкания солнца
в грязи непролазной.

Наветам не верю,
газетам не верю.
А верю единственно
вралю-апрелю.

Надежда в нас неустребима.
Но как же обрести покой,
ведь ночи клювик ястребиный
встал наг пугливую землёй.

В кого на этот раз нацелен —
блестящий, цепкий, молодой?
Кого наметит в мире целом
та ночь, пульсируя звездой?

Какие могут быть страховки?
Смешны заборы и замки
в тщете наивной и неловкой
спасти от страха и тоски.

Ночь проникает в каждый атом.
Ночь заполняет каждый дом.
Ты освещён, ты пьян, запрятан.
Уверен? Верится с трудом.

И мы себя натужным пенем
из темноты выводим прочь,
ждём не безделья — воскресенья,
толкая ночь, ломая ночь.

Мальки, как может быть повержен
такой противник? Шанса нет.

...Гляди, светает! Неизбежен —
куда он денется? — рассвет.

Дожидаюсь ответа
(пуст и скучен мой ящик)
уходящего лета,
всех лет уходящих.
Это так объяснимо,
это так непреложно,

*так рассудочны с ним мы,
что понять — невозможно.
Всё равно шлю приветы
исподлобья глядящим
уходящему лету
и годам уходящим.*

*Поминаемый всуе,
за пределами рая
мы поём и танцуем
и во взрослых играем.
По случайности живы,
хоть грозились пророки!
Наши песни фальшивы.
Наши игры жестоки.
Друг у друга на полдник
куски отнимаем.
Ничего мы не помним,
ничего-то не знаем,
но обидчивы — страстно.
Ты же видишь, о Боже,
оставлять нас опасно,
с нами надо поостроже.
Ты отвлёкся, мне снилось,
на вселенское дело:
что-то недоварилось,
где-то перекипело...
Нам заветы оставил
и ушёл на минуту.
Ну а нам — что до правил?
Они скучны и нудны.
А минута вместила
целый ворох, заметьте,
наших маленьких стылых
тысячелетий...*